

ИСТОРИЯ УРАЛА

УДК 39:930(470.5)

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЫЛВЕНСКО-ИРЕНСКОМ БАСЕЙНЕ В XVII – XVIII ВЕКАХ (К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ УРАЛА)

Г.Н. Чагин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
g-chagin@yandex.ru

Приводятся результаты изучения письменных источников, на основе которых восстанавливаются этнокультурные особенности одного из важных центров континентальной Евразии. Этот центр взаимодействовал в прошлом с Европейским Севером, Вятской и Пермской землей, Средним Поволжьем, Южным Уралом, Западной Сибирью.

Ключевые слова: этническая история, этнодемография, русские, удмурты, марийцы, татары, чувашаи.

Сылвенско-Иренский бассейн, расположенный на стыке Европы и Азии, давно привлекает историков и этнологов, поскольку его население разнообразно в этническом и конфессиональном отношении. Однако впервые исследователи обратились к нему примерно через полтора столетия после образования здесь Кунгурского уезда (1648), хотя в XVII в. этнодемографические показатели уже стали включаться в писцовые и переписные книги. На этой территории собирались сведения о народах по программе подготовки «Топографического описания Пермского наместничества» в 1780-е гг.¹

Сылвенско-Иренский бассейн попал в поле зрения корреспондентов Императорского Русского географического общества в 1840-е – 1850-е гг. Плодом их труда стали материалы, собранные по программе исследования народного быта в Кунгурском уезде, селах Большие Ключи, Спас-Барда, поселке Юговского завода Кнауфа².

На основе своих наблюдений подготовил и издал этнографическую статью учитель из Кунгура С. Бувеский [*Бувеский*, 1858, с. 156–162]. Фактические материалы этой публикации оказались полезными более поздним исследователям, занятым реконструкцией локальных вариантов народной культуры, прежде всего русского населения. Не остались незамеченными историко-демографические сведения XVII в. историком А.А. Дмитриевым, который включил их в свой фундаментальный труд «Пермская старина» [*Дмитриев*, 1900].

Из советских исследователей к Сылвенско-Иренскому бассейну обратились А.А. Преображенский [*Преображенский*, 1956], В.А. Оборин [*Оборин*, 1990]. На основе письменных источников воеводской канцелярии XVII – начала XVIII в. они рассмотрели аграрное и торговоремесленное освоение региона русскими, но этнической проблематикой их труды не насыщены. В этих трудах, как в зеркале, отразились общероссийские рыночные отношения, способствовавшие активному заселению и освоению природных ресурсов бассейна Сылвы и Ирени русским населением.

Новизна предлагаемой статьи заключается в том, что используется уникальный источник начала XVIII в., содержащий сведения о расселении и этнодемографии нерусского населения, причем основная часть его находилась за пределами исследуемой территории – в Среднем Поволжье. Мы будем говорить и о русском населении, которое так же, как и татары, чувашаи, марийцы и удмурты, было изначально пришлым.

В Сылвенско-Иренском бассейне давно предначертано жить народам, разным по языку и культуре. Их опыт нашел воплощение в глубоко своеобразном механизме (модели) освоения природного мира и преобразования его в культурный ландшафт. Особенно ярко люди демонстрировали свое приспособление к ландшафту в выборе места для поселения и расположении всех нужных материальных объектов. В предлагаемой статье представим характеристику как этнодемографиче-

ского состояния (размещение, численность, этнический состав), так и этнокультурных ареалов в пределах обозначенных рамок исследования. Письменные источники, избранные для изучения, подвергнем новому осмыслению в связи с поставленными задачами.

Сылвенско-Иренский бассейн был подчинен Москве в 1552 г. в связи с завоеванием Иваном IV Казанского ханства. С этих пор и началось перемещение русских на восток, в район Сылвы и Ирени, а затем еще дальше – в верховья р. Уфы. Хотя русские первоначально селились на свободных землях, им пришлось налаживать связи с населением, которое уже здесь проживало.

Дорусское население этой территории разные источники конца XVI – начала XVII в. называют обобщающе – «татарами», «остяками», «иштеками», «вогуличами», «черемисами». При этом допускается смешение этнических понятий. Первые количественные показатели о населении встречаются в писцовой книге 1624 г.: по Сылве и Ирени 67 юрт татар и остяков, 4 юрты марийцев, 1 юрта мордвы, а в них 86 жителей мужского пола [Дмитриев, с. 126–127].

Организацию вотчинного землевладения Строгановых, Елисеева, Суровцева, Соликамского и Пыскорского монастырей, а затем установление государственной власти в лице воеводского правления в 1648 г. можно связывать с новым и очень успешным этапом русского освоения сылвенских и иренских земель.

Побережья Сылвы и Ирени стали привлекать беглых русских крестьян, выходцев из Северо-Двинского бассейна. Так, в 1648 г. 385 семей крестьян, бобылей и посадских людей, насчитывавших 1222 чел. мужского пола поселились по р. Кунгур. За 1648–1651 гг. поселилось еще 645 семей с 1878 чел. мужского пола [Преображенский, с. 51, 60]. Русских крестьян охотно принимали вотчинники, нуждавшиеся в рабочей силе.

Переселение русских и поощрение этого процесса местной воеводской администрацией (например, предоставление лучших земель и освобождение от обременительного тягла) следует рассматривать как решение задачи укрепления восточной границы Русского государства на пути из Европы в Азию. Особенно это было важно в целях защиты от разорительных набегов башкирских землевладельцев.

По письменным источникам известно, что в 1651–1661 гг. правительственную колонизацию стала перекрывать стихийная народная колонизация. Известны случаи, когда русские крестьяне селились не только на свободных землях, но и в деревнях с татарами, марийцами. В 1671 г. последовало правительственное указание, запрещающее самовольно селиться беглым русским в татарских и марийских деревнях.

По переписи И. Талызина 1672 г. в Кунгурском уезде насчитывалось 5 сел и 42 деревни с 1083 дворами, в которых проживали 3110 чел. мужского пола³. Через 7 лет в переписных книгах П. Ахматова и Д. Жукова 1679 г. результаты народной колонизации предстают в таком виде. Число поселений возросло ненамного – стало 7 сел и 45 деревень, вновь появилось 5 починков. Но зато значительно увеличилась численность тяглового населения. В 1679 г. насчитывалось 4116 чел. мужского пола, которые проживали в 1174 дворах и 126 «избёнках».

Перепись И. Текутьева 1704 г. установила значительный прирост населения за счет беглых крестьян и бобылей – 3896 чел. в Кунгурском уезде и 291 чел. мужского пола на посаде Кунгура [Преображенский, с. 51, 60]. Об интенсивности заселения русскими Кунгурского уезда свидетельствуют показатели следующей, 1719 г., переписи. Численность русских достигла 20354 чел. обою пола, проживавших в 9 селах, 121 деревне, 5 острожках, 1 пустыни, в которых насчитывалось 3998 «дворов, дворёнков, изб и избёнок» [Чагин, 1995, с. 30–31].

Если рассматривать места выхода русских крестьян, поселившихся в Сылвенско-Иренском бассейне, то прежде всего это уезды Северо-Двинского бассейна – Важский, Устюжский, Сольвычегодский, Мезенский, Каргапольский, Тотемский, Яренский и др., а затем уезды Камско-Вятского бассейна – Чердынский, Соликамский, Осинский, Вятский. Это позволяет увидеть в этнокультурном развитии русских Сылвенско-Иренского бассейна традиции севернорусской этнокультурной зоны. Причем этнодемографические данные начала XVIII в. открывают еще одну очень важную особенность – основу русских составляли уже «старожильцы», т.е. потомки «новоприходцев» [Чагин, 1995, с. 44–45].

* * *

На земли Сылвенско-Иренского бассейна одновременно с русскими продолжали стихийно переселяться нерусские люди. Их быстрый рост наблюдался во второй половине XVII в. Переписи-

ная книга 1678–1679 гг. определила количество нерусского населения в 1131 чел. мужского пола, проживавших в 368 юртах⁴. Татар было 785 чел. (в 252 юртах), марийцев 311 (в 100 юртах), удмуртов 15 (в 10 юртах)⁵. Дальнейший рост нерусского населения отметила «Переписная книга ясачных и оброчных татар, черемисов, вотяков, чувашей Кунгурского уезда 1704 года»⁶.

Как и русские крестьяне, татары, марийцы, чувашаи, удмурты старались найти на новых землях спасение от угнетения царской властью и местными землевладельцами. В Кунгурском уезде предоставлялись возможности для сохранения жизнеспособности как русским, так и нерусским крестьянам.

Как только правительству стало известно о миграции в Сылвенско-Иренский бассейн нерусского населения, Кунгурский уезд был выведен из подчинения Новгородского приказа и передан под управление приказа Казанского дворца. Этот приказ осуществлял административно-судебное и финансовое управление большой территорией Среднего Поволжья и Приуралья. Мотивом передачи, несомненно, было и то, что в Среднем Поволжье проживала основная часть тех народов, представители которых поселились в Кунгурском уезде.

В 1704 г. нерусское население численностью в 1971 чел. мужского пола проживало в 652 юртах 74 деревень, объединенных в 4 четверти (территориальная единица) – Карьевскую (125 юрт), Верх-Иренскую (201), Верх-Сылвенскую (220), Шаквинскую (106). Из 1971 чел. 693 являлись главами семей, остальные попавшие в перепись 1278 чел. – их детьми, братьями, внуками, племянниками (это только мужская часть населения). Этническая принадлежность по документу определялась только у той части населения, которая отнесена к категории глав семей. Но стоит предположить, что все родственники сохраняли национальность, какую имели главы семей.

Татарских семей было 454, марийских – 213, удмуртских – 18, чувашских – 8. Из 74 деревень татарскими являлись 48, марийскими – 19, удмуртскими – 1, чувашаи своей деревни не имели. В 6 деревнях этнический состав населения был смешанным: в 2 – татары и марийцы, 1 – марийцы и удмурты, 1 – марийцы, удмурты и чувашаи, 1 – татары, удмурты и чувашаи, 1 – татары и удмурты. Рассмотрим более подробно, но в пределах возможности источника, особенности расселения тюркских и финно-угорских народов Сылвенско-Иренского поречья.

* * *

Среди нерусского населения Сылвенско-Иренского бассейна татары по численности занимали первое место. К тому же они расселялись на обширной территории, охватывая как крупные, так и мелкие реки. По численности татарского населения крупными были деревни Усть-Турка, Малый Ашап по р. Ирень, Бердыкаево, Красный Яр по р. Сылва.

В переписи 1704 г. только два человека записаны уроженцами Казанского уезда, что является свидетельством того, что татарское население живет здесь с давних пор. Но переселение татар из одной деревни в другую в пределах Сылвенско-Иренского бассейна допускалось.

Татары, как и другие народы, в основном были ясачными крестьянами. К категории оброчных относилось лишь 14 чел., что составляло 3 % от их общего числа. Они были как «юртными», так «безюртными», т.е. имеющими или не имеющими юрты⁷.

Чувашаи в переписи 1678–1679 гг. не значились, а в 1704 г. насчитывалось 8 семей их. Свою деревню они не создали, а жили в двух деревнях вместе с татарами, марийцами и удмуртами. В д. Телес Верх-Иренской четверти «чувашаи горные» (так они названы в переписи) были «старооброчными», уроженцами как этой деревни, так и д. Имангулово⁸. Главу двух семей чувашей в д. Кошаево Верх-Сылвенской четверти переписчики в 1704 г. записали «чувашенинами»⁹. Очевидно, в то время так было принято их называть.

Перепись 1719 г. чувашей в Сылвенско-Иренском бассейне уже не застала. Их ассимилировали соседние народы, очевидно, татары.

* * *

Удмуртов перепись 1704 г. застала в четырех деревнях, в которых население было смешанным этнически – удмурты жили с татарами, марийцами, чувашами. В Верх-Иренской четверти удмурты имели и свою деревню Заволочная Чанчилды, в которой в 7 юртах проживали одни оброчные удмурты¹⁰. В Карьевской четверти, в д. Басина, проживала 1 удмуртская семья, в д. Старая Карьева – 2 семьи; в Верх-Иренской четверти, в д. Барсаевы, – 2, в д. Зельбаева – 1; в Верх-Сылвенской четверти, в д. Верх речки Турышу, – 1, в д. Кошаева – 1, в д. Верхний Турыш – 3¹¹. Следовательно, по рекам Сылве и Ирени проживали 18 удмуртских семей.

В переписи 1704 г. отмечен социальный статус удмуртских семей: оброчных семей было 9, старооброчных – 6, новооброчных – 3. Таким образом, проживание удмуртов на новых местах определялось желанием государства иметь податное население. Крестьяне явочным порядком занимали свободные земли и в соответствии с «владенной памятью» – документом, выданным местной властью, платили оброк. В разряд ясачных крестьян, плативших ясак – меха, удмурты не попадали. Они занимались земледелием и лесными промыслами. Заметим еще, что преобладающими были оброчные и старооброчные семьи – 15, что составляло 83,3 % от общего числа семей. Новооброчных было только 3 семьи, что является следствием затухания миграции удмуртов.

Очень ценными являются сведения о месте рождения и времени проживания удмуртов в Сылвенско-Иренском бассейне. Из опрошенных 18 глав семей заявили, что они родились в Казанском и Уфимском уездах. Причем они же указали и деревни, из которых переселились.

Данные о времени проживания в той или иной деревне позволяют утверждать, что удмурты, включенные в перепись 1704 г., проживали в Сылвенско-Иренском бассейне не более 20 лет. В д. Заволочная Чанчилды 80-летний удмурт прожил 17 лет, один 60-летний – 20, второй 60-летний – 15, третий 60-летний – 4 года, 50-летний – 20 лет, 40-летний – 20, 30-летний – 7. Все эти удмурты родились в Уфимском уезде (деревни Няняды, Урми, Ясупе)¹². В д. Верх-Турыш 70-летний удмурт прожил 14 лет, 50-летний – 10, 40-летний – 5. Первый удмурт был родом из Уфимского уезда (д. Завьялова), а два других – из Казанского уезда (деревни Завьялова, Ценны)¹³.

При сопоставлении возраста крестьян и времени их проживания получаем несколько важных данных. Во-первых, переселение удмуртов в Сылвенско-Иренский бассейн приходится на вторую половину XVII в. Во-вторых, крестьяне переселялись как в пожилом возрасте, но не старше 63 лет, так и в молодом возрасте – 20-23 лет. Цифры показывают, что приток удмуртов не прекращался и на рубеже XVII и XVIII вв. Так, в д. Заволочная Чанчилды в 1704 г. новооброчный крестьянин, достигший 60 лет, «живет 4 года», а в д. Верх-Турыш – 40-летний крестьянин, также новооброчный, «живет 5 лет»¹⁴.

Как известно, в Кунгурском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в. нерусское население, как и русские крестьяне, испытывало всевозможные притеснения со стороны местной администрации. Произвол лиц воеводской канцелярии запечатлен во множестве челобитных крестьян, в которых они жаловались «на царских сыщиков», чаще всего на их «вымогательство» хлеба и ясака. Не случайно крестьяне выбрали одну из форм классовой борьбы – бегство. Бежали в основном в Сибирь, оставляя «пустые дворы». В некоторых случаях в документах находим сведения о бегстве и удмуртов. Но, в какой степени бегство было свойственно удмуртам, установить невозможно.

Итак, удмурты в Сылвенско-Иренском бассейне являлись полноправными жителями. Они пользовались всеми имеющимися природными ресурсами, оставаясь при этом оброчным населением. Уйдя от притеснений и экономического гнета на родине, удмурты в местах нового поселения имели условия для развития хозяйства, которое обеспечивало им все средства существования. Они жили преимущественно в смешанной этнической среде – с татарами, марийцами, чувашами, общались и с русскими, но каких-либо конфликтов с ними не возникало. Очевидно, это обстоятельство обуславливалось доброжелательным отношением удмуртов к другим народам.

Но наши источники не позволяют проследить дальнейшую судьбу 18 удмуртских семей Сылвенско-Иренского бассейна. Оставались ли они жителями сылвенско-иренских деревень, растворились ли среди других народов, мигрировали ли куда-то – неизвестно. В переписи населения Кунгурского уезда 1719 г. удмурты уже не упоминаются, хотя марийцы и татары были учтены¹⁵.

* * *

В 1704 г. марийцы проживали в 20 деревнях. В двух деревнях они жили совместно с другими народами – в д. Верх речки Турышу¹⁶ с удмуртами и чувашами и в д. Лёк с татарами¹⁷.

В момент переписи населения в 1704 г. в двух деревнях все марийцы являлись уроженцами этих же деревень – д. Верх-Потам (6 юрт) и д. Карши (12 юрт)¹⁸. В остальных деревнях наравне с местными уроженцами проживали и пришлые марийцы, владевшие юртами.

В частности, по р. Сылва (Верх-Сылвенская четверть) в самой старой по времени возникновению д. Кобеньково насчитывалось 13 юрт оброчных марийцев, хозяева которых платили налог деньгами, и 11 юрт, для хозяев которых устанавливался ясак – налог мехами. Все марийцы ясачных юрт были уроженцами д. Кобеньково. Из 13 оброчных юрт в 7 хозяева записаны пришлыми ма-

рийцами. Из них 6 родились в Казанском уезде и 1 в Уфимском. Почти все они прибыли в д. Кобеньяково в возрасте 25–35 лет и в момент переписи проживали в деревне по 10–15 лет¹⁹. По преданию д. Кобеньяково основал Кобенек. Впоследствии деревня, названная его именем, изменила название на Тебеняки. Под этим названием она сохраняется на правом берегу Сылвы (Суксунский р-н) [Чайгин, 2002, с. 220].

В д. Каменка (Верх-Сылвенская четверть) из 15 юрт (11 оброчных и 4 ясачных) в 6 проживали уроженцы деревень Кобеньяково, Медянка, Карши, Потам Кунгурского уезда, в 3 – Казанского, в 2 – Уфимского, 1 – Уржумского. И только хозяева 3 юрт были уроженцами самой д. Каменка²⁰. По этим сведениям можно предположить, что д. Каменка возникла во второй половине XVII в. Из всех пришлых людей только один мариец, которому в 1704 г. исполнилось 60 лет, прожил в ней дольше других – 45 лет. Все остальные жили в д. Каменка 15–25 лет. Заметим еще один важный факт: из 12 пришлых мариюцев половина была родом из д. Кобеньяково.

В Верх-Сылвенской четверти еще одним местом сосредоточения мариюцев явился бассейн р. Лёк (правый приток Сылвы). Одна мариюская семья проживала вместе с татарами в д. Лёк. По р. Чис, притоку Лёка, находились две деревни с однородным этническим составом населения. В д. Верх Чису насчитывалось 6 юрт, из которых 3 принадлежали здешним уроженцам, 2 – выходцам из Казанского уезда, 1 – из Каршинской волости Кунгурского уезда (д. Карши располагалась по р. Карша, впадающей р. Уфу, ныне это Ачитский район Свердловской области). Деревня Солянка «над речкою Чисом» объединяла ясачных и оброчных мариюцев, которые владели 14 юртами. Хозяева 11 юрт родились в д. Солянка, а владельцы 3 юрт пришли из д. Медянка Кунгурского уезда²¹. Кстати, из всех мариюских деревень, существовавших по р. Лёк, сохранилась до нашего времени одна д. Солянка (Кишертский район)²².

В верховьях р. Ирень (Верх-Иренская четверть) насчитывалось 68 юрт мариюцев. Основная их часть – 57 юрт – принадлежала мариюцам, проживавшим в верховьях р. Телёс (правый приток р. Ирень, который образовался путем слияния Большого и Малого Телёса)²³.

Перепись 1704 г. учла две деревни с одним и тем же названием – Верх Малого Телёсу. В одной из них насчитывалось 23 юрты, хозяева которых являлись пришлыми²⁴. Из них 11 чел. были уроженцами разных деревень Кунгурского уезда – Медянка (8 чел.), Липардва, Малый Ашп, Каршинская волость (по 1). По 5 человек прибыли из Казанского и Уфимского уездов, по 1 человеку – из Чардынского²⁵ и Чайшуйского²⁶. Возникновение д. Верх Малого Телёсу можно отнести к 1650 – 1660-м гг., поскольку хозяева четырех дворов по данным 1704 г. прожили в ней по 30–40 лет²⁷.

Вторая д. Верх Малого Телёсу имела 18 юрт. Из них 1 юрта принадлежала уроженцу этой же деревни, а другие – пришлым мариюцам, из которых 8 происходили из Казанского уезда (деревни Уржум, Кукмарка, Амзей, Турнафанова), 2 – из Уфимского (деревни Ивановская, Сохояз), 7 – из Кунгурского (деревни Медянка, Барей, Усть-Турка)²⁸.

Недалеке от деревень Верх Малого Телёсу располагалась д. Ключ. В ней насчитывалось 13 юрт оброчных мариюцев. Перепись 1704 г. учла их как пришлых жителей – 11 чел. из Казанского уезда, 2 – из Уфимского. Самая высокая продолжительность жизни пришлых мариюцев в д. Ключ достигала 30–40 лет. Таким образом, и данные о д. Ключ указывают на время основного притока мариюцев из Казанского и Уфимского уездов – на середину XVII в.

В Верх-Иренской четверти находились еще две мариюские деревни – Верх Большого Телёсу (3 юрты) и Тюш (9 юрт). Из них раньше была основана д. Верх Большого Телёсу, поскольку согласно переписи 1704 г. один из хозяев юрт прожил здесь 30 лет, второй – 15. Им обоим было по 60 лет. Хозяин третьей юрты являлся уроженцем этой же деревни, и поэтому возраст проживания его не указан²⁹.

В д. Тюш, расположенной по р. Тюш (правый приток Ирени), из 9 хозяев юрт два были уроженцами этой же деревни, а остальные происходили из Казанского (3 чел.), Уфимского (3) и Кунгурского (1) уездов³⁰. Трое пришлых мариюцев проживали в д. Тюш по 20 лет – самое продолжительное время.

Деревни мариюцев Верх-Иренской четверти, которые, как мы видим из переписных материалов 1704 г., были с большим числом юрт, в XIX в. уже не существовали. Возможно, здесь, в окружении татарского и русского населения, сложились какие-то неблагоприятные условия для проживания, и мариюцы ушли из бассейна Ирени в деревни, расположенные по р. Сылва, которые сохранялись до нашего времени. Возможно, они подселились в старые мариюские деревни или участво-

вали в создании новых деревень. Известно, что в XVIII в. по р. Сылва появляются деревни Васкино, Иванково, Сызганка, Красный Луг, которых перепись 1704 г. не отмечала. Некоторые марийцы могли переселиться в деревни, расположенные по правым притокам верховьев р. Уфы, тем более что они находились в административном подчинении Кунгурского уезда.

Как видно, на рубеже XVII и XVIII вв. марийцы расселялись на обширной территории Сылвенско-Иренского бассейна. На протяжении XVII в. в верховья Сылвы и Ирени отмечается постоянный приток марийцев из Среднего Поволжья (Казанский уезд) и Южного Урала (Уфимский уезд). Имеется документальное свидетельство тех трудных условий, на которых разрешал кунгурский воевода поселиться марийцам. Так, когда после разорительного набега Аюки на Среднее Поволжье в 1680-е гг. марийцы покинули родные места «из дворов с сорок и больши» и нашли земли для поселения по рекам Сылве и Ирени, воевода потребовала от них «со всякого двора по 2, и по 3, и по 4 рубля, и з гулящих брал по 20 алтын, а с малых ребят по 10 алтын» [*Преображенский*, с. 240].

Таким образом, анализируемый нами источниковедческий материал позволяет рассмотреть более подробно один из этапов развития полиэтничного Сылвенско-Иренского бассейна. Результаты исследования создают прекрасную основу для изучения культуры и быта, межэтнических отношений, соотношения общего этнического и регионального компонента. Появляется возможность проследить, как действовали на состояние этничности природная среда, расселение, язык, религия, культура [*Чагин*, 2011, с. 39, 46, 123, 125).

Современная этнокультурная карта бассейна Сылвы и Ирени является транслятором традиционной культурной среды, которую позволили нам реконструировать источник XVII–XVIII вв. Это заставляет исследователей под особым углом зрения посмотреть на сохранение идентичностей народов, живущих, с одной стороны, в одном из важных центров континентальной Евразии, а с другой – в Волго-Уральском историко-культурном регионе.

Примечания

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1184. Д. 18920.

² Архив Русского географического общества. Р. 29. Оп. 1. Д. 19, 75, 61, 89.

³ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1209. Кн. 226. Л. 237–238.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 226. Л. 353–353 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 744. Л. 142, 365.

⁷ Там же. Л. 161–172.

⁸ Там же. Л. 85 об.

⁹ Там же. Л. 263 об.–264.

¹⁰ Там же. Л. 180–183.

¹¹ Там же. Л. 6, 19, 75, 136, 258 об., 262, 271–272.

¹² Там же. Л. 180–183.

¹³ Там же. Л. 271–272.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 3. Д. 1662. Л. 640–698, 952–1022.

¹⁶ Здесь и далее мы сохраняем названия населенных пунктов по источнику.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 744. Л. 251, 299.

¹⁸ Эти деревни расположены недалеко от р. Сылва, на реках, которые впадают в р. Уфу.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 744. Л. 318–329.

²⁰ Там же. Л. 340–347.

²¹ Там же. Л. 305–311.

²² Считаю нелишним заметить, что марийское население этой деревни привлекло известного финского этнографа А.О. Хейкеля. В 1910 г. он посетил деревню и уделил большое внимание костюму марийцев. Образцы мужской и женской одежды, украшения костюма, полученные от населения, хранятся в Национальном музее Финляндии.

²³ Нам известно, что во второй половине XIX в. уже не существовало ни одной деревни марийцев на территории Верх-Иренской четверти.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 744. Л. 161–172.

²⁵ Так указано в источнике, возможно, это был Чердынский уезд.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 744. Л. 161–172.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 145–153 об.²⁹ Там же. Л. 173–174.³⁰ Там же. Л. 175–179.**Библиографический список**

- Бувеский С.* Жители Кунгурского уезда // Учен. зап. Имп. Казан. ун-та. 1858. Кн. I.
Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8.
Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Пермь, 1990.
Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956.
Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995.
Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2002.
Чагин Г.Н. Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI в. Екатеринбург, 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.03.2013

ETHNIC SITUATION IN THE BASIN OF THE SYLVA AND THE IREN IN THE XVII-XVIII CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE URAL ETHNIC PATTERN'S FORMATION

G.N. Chagin

Perm State National Research University, Bukirev str., 15, Perm, 614990, Russia
 g-chagin@yandex.ru

Russian peasants settled down in the basin of the Sylva and Iren rivers in the XVII century and landlords willingly received them as they needed work force. Local voivodes encouraged this migration as well to solve an important task of strengthening the eastern border on the way from Europe to Asia. In 1719 the Russian population in the area reached 20 354 people of both sexes. Peasants came from the basin of the Northern Dvina therefore ethnic and cultural development of the population represents the traditions of the Northern Russian ethnic and cultural zone. The Russians still dominate among the population of the basin of the Sylva and Iren rivers.

As well as the Russians the Tatars, the Chuvash people, the Mari people and the Udmurts settled down in the basin of the Sylva and the Iren. Their population amounted almost 2 000 people of male sex in the early XVIII century. The Tatars did not leave that area and they still live there in disperse settlements. The Mari people settled down along the Sylva River and they now live in the Suksun district of the Perm Region. The Chuvash people and the Udmurts were assimilated by the Russians, the Mari and the Tatars. In the XIX century there were no Chuvash and Udmurt people in the composition of the population though they had left their mark in ethnic and cultural history.

The analysis of sources is based on contemporary approaches to the problems of ethnic history and cultural interaction of the peoples of the Urals and the Middle Volga River Basin.

Key words: ethnic history, ethnic demography, the Russians, the Udmurts, the Mari people, the Tatars, the Chuvash people.

References

- Buevskiy S.* Zhiteli Kungurskogo uezda // Uchen. zap. Imp. Kazan. un-ta. 1858. Kn. I.
Dmitriev A.A. Permskaya starina. Perm', 1900. Vyp. 8.
Oborin V.A. Zaselение i osvoenie Urala v kontse XI – nachale XVII v. Perm', 1990.
Preobrazhenskiy A.A. Ocherki kolonizatsii Zapadnogo Urala v XVII – nachale XVIII v. M., 1956.
Chagin G.N. Etnokul'turnaya istoriya Srednego Urala v kontse XVI – pervoy polovine XIX veka. Perm', 1995.
Chagin G.N. Narody i kul'tury Urala v XIX–XX vv. Ekaterinburg, 2002.
Chagin G.N. Istoricheskie znaniya narodov Urala v XIX – nachale XXI v. Ekaterinburg, 2011.